

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.10>

УДК 930.26(470+571)

ББК 63.48(2)

ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ЭЛИТНОЕ ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Михаил Васильевич Кривошеев

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии,
зарубежной истории и туризма,
Волгоградский государственный университет
tyaf@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Яна Амангелдиевна Лукпанова

Научный сотрудник,
Западно-Казахстанский центр истории и археологии
Yana_2004_75@mail.ru
просп. Достык, 184, 090000 г. Уральск, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу погребения воина позднесарматского времени из Южного Приуралья. Комплекс из кургана 4 могильника Таксай I отличается большими размерами погребальной насыпи и могильной ямы. Реконструируемая высота насыпи кургана превышала 2 метра. Глубина могильной ямы более 3 метров. Для позднесарматской культуры такие размеры могильного сооружения являются уникальными. Под курганной насыпью обнаружена ритуальная площадка из материкового грунта. В погребении обнаружен инвентарь, характерный для воина-всадника: конская узда, набор клинкового вооружения, состоящий из длинного меча, кинжала и боевого ножа с бронзовыми деталями рукояти. Также найден бронзовый кованный котелок. Анализ инвентаря позволяет датировать данное погребение второй половиной III в. н.э. Данное захоронение относится к элитным погребальным комплексам позднесарматской культуры и входит в круг захоронений профессиональных воинов. Эта социальная страта оформилась в позднесарматском обществе в конце II – первой половине III в. нашей эры. Наибольшее количество воинских погребений относится к первой половине III в. н. э. и встречается на Нижнем Дону и в Поволжье. Ситуация в этих регионах изменяется в середине III в. н. э. с вторжением племен северокавказского происхождения. С их появлением связывают разрушение Танаиса в низовьях Дона и распространение в степных памятниках захоронений в Т-образных катакомбах. Традиция погребений воинов-всадников высокого социального статуса практически исчезает в волго-донских степях после середины III в. нашей эры. В Южном Приуралье, на которое эти процессы оказали косвенное влияние, существование традиционной иерархии позднесарматского общества могло сохраниться до конца III в. нашей эры.

Среди деталей конской узды обнаружена бронзовая пряжка В-образной формы. Подобные пряжки получают широкое распространение в IV–V в. н. э. в бассейне Камы и Дуная. Найденная пряжка является самым ранним из известных на данный момент образцов этого типа.

Ключевые слова: Южное Приуралье, сарматы, позднесарматская культура, профессиональные воины, кочевники, элитное погребение, воинская элита.

В 2012 г. в Западно-Казахстанской области на левом берегу р. Урал, в 40 км к востоку от г. Уральск, экспедицией под руководством Я.А. Лукпановой в кургане 4 могильника Таксай I было обнаружено неординарное захоронение позднесарматской культуры.

Курган выделялся достаточно крупными размерами: современная высота – 0,8 м, диаметр – 30 м. Реконструируемый диаметр первоначальной насыпи – около 20 м (рис. 1).

В насыпи зафиксированы разрозненные фрагменты костей животных и керамики, вероятно от тризны.

В центральной части кургана, под насыпью, на уровне погребенной почвы, на глубине 0,50 м была выявлена подпрямоугольная ритуальная площадка, сделанная из суглинистого материкового раствора, размерами 7 × 8 м, вытянутая по линии С – Ю, высотой до 0,25 м, на которой были уложены деревянные плашки (рис. 1).

Под данной площадкой, в 2 м к юго-западу от центра кургана, на уровне древней поверхности была обнаружена подбойная могила. Входная яма подпрямоугольной в плане формы вытянута длинной осью по линии С – Ю. Длина ямы – 2,12 м, ширина – 0,6 м, глубина – 3,80 м от R_0 .

В западной стенке входной ямы устроен подбой, отделенный ступенькой высотой до 0,1 м. Длина подбоя – 2,75 м, ширина до 0,95 м, глубина – 3,9 м от R_0 .

На дне подбоя, вдоль западной стенки камеры, обнаружен костяк взрослого мужчины, уложенный вытянуто на спине головой к северу с небольшим отклонением к западу. Руки были незначительно согнуты в локтях, кисти уложены на тазовых костях. Под костяком зафиксирована органическая подстилка. Череп погребенного деформирован (рис. 1, 2).

В погребении был обнаружен следующий инвентарь:

1. За черепом погребенного, ближе к северной стенке, было зафиксировано скопление сильно коррозированных железных деталей конской сбруи, среди которых находились кольчатые удила. Диаметр кольца удил – 6,5 см, длина сохранившейся части грызла – 9,5 см (рис. 1, 2, 2).

2. Рядом с удилами обнаружена небольшая бронзовая пряжка с рамкой В-образной формы и железным, сильно раздутым от кор-

розии язычком. Сечение рамки круглое. Ширина пряжки – 3 см, длина – 2 см (рис. 1, 2, 3).

3. У изголовья погребенного, в северо-западном углу подбоя располагался бронзовый кованый котелок с загнутым по венчику краем. Диаметр котла по венчику – 15 см, диаметр дна – 16,5 м, высота – 11 см. Дно котелка выпуклое. С двух противоположных сторон на венчике фиксируются по 2 отверстия диаметром 0,5 мм, вероятно, от крепления ручки (рис. 1, 2, 1).

4. С правой стороны от погребенного, между стенкой камеры и предплечьем, обнаружен железный кинжал длиной 35 см (рис. 1, 2, 9). На кинжале фиксируются остатки деревянных ножен.

5. В кисть правой руки погребенного был вложен плохо сохранившийся железный нож длиной 10 см (рис. 1, 2, 7).

6. Вдоль левой ноги погребенного лежал массивный каменный подквадратный в сечении оселок длиной 50 см, толщиной – 2,5 см (рис. 1, 2, 11).

7. Поверх оселка находился железный меч с сохранившимися фрагментами деревянных ножен, окрашенных в красный цвет. Длина меча с рукояткой достигает 79 см (рис. 1, 2, 10).

8. На мече, в средней части, обнаружена квадратная каменная пластина с отверстием в центре размерами 2,5 × 2,5 × 0,9 см и диаметром отверстия 0,7 см (рис. 1, 2, 6).

10. На пластине лежала небольшая бронзовая пряжка с округлой рамкой. Язычок у основания имел уступ спереди, декорированный косым крестом. Диаметр рамки – 1,7 см, длина язычка – 1,5 см (рис. 1, 2, 4). На язычке фиксировался фрагмент кожаного шнура, который продевался через отверстие в каменной пластине и накидывался на язычок.

11. У пояса погребенного, на левом крыле таза, обнаружен железный нож плохой сохранности с бронзовыми деталями рукояти. Длина сохранившейся части ножа – 18 см (рис. 1, 2, 8).

12. Рядом с левым локтем погребенного зафиксированы фрагменты железного предмета (рис. 1).

13. В заполнении ямы, восточнее фрагментов железного предмета, найден фрагмент тонкой бронзовой пластины размерами 3,4 × 3 см (рис. 1).

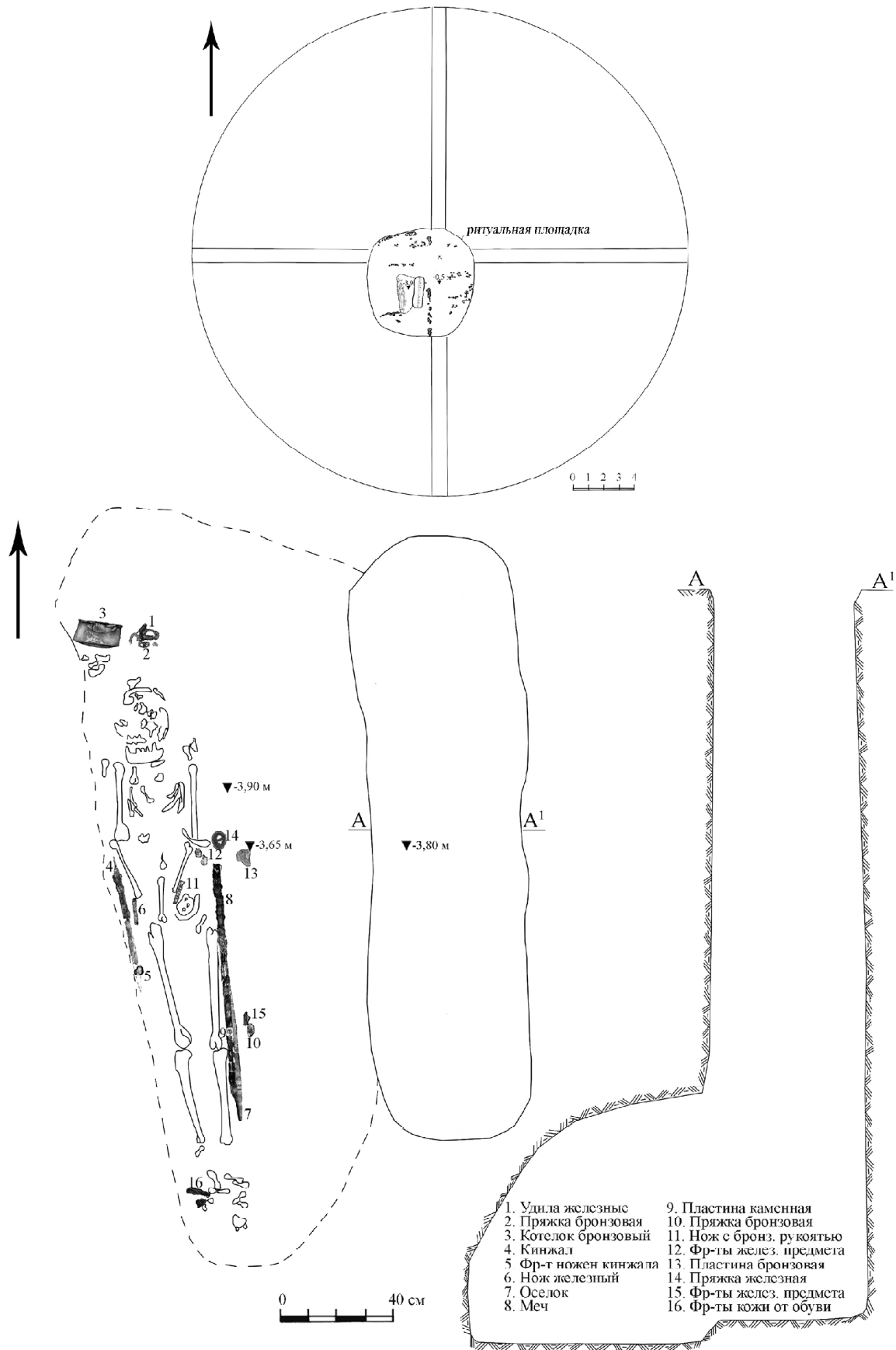

Рис. 1. Могильник Таксай I. План кургана 4 и погребения 1

14. У левого локтя погребенного, немного выше рукояти меча, была найдена железная пряжка овальной формы с плоской в сечении рамкой размерами 4,5 × 3,7 см (рис. 1, 2, 3).

15. Слева от меча, у колена обнаружены фрагменты железного предмета (рис. 1).

16. Под правой стопой погребенного зафиксированы 2 фрагмента кожи (от обуви?) (рис. 1).

Погребение из кургана 4 в могильнике Таксай I относится к категории комплексов позднесарматского времени особого социального ранга. Проанализируем особенности погребального обряда данного захоронения.

Для позднесарматской культуры в целом наиболее характерны малые насыпи [25, с. 86, табл. 1]. Размеры рассматриваемого кургана значительно превышают большинство курганов этого времени (рис. 1). Стратиграфические данные позволили определить, что первоначальная насыпь до начала интенсивной распашки имела диаметр около 20 метров. Зная современный объем курганной насыпи, есть возможность вычислить высоту кургана на момент его возведения. При диаметре 20 м она составляла около 2,3 метров. Для позднесарматской культуры такие высокие курганы являются единичными и во всех случаях связаны с погребениями самого высокого социального ранга (Лебедевка, кург. 1, погр. 1; Суслынка) [1; 3]. Размеры кургана имеют важное значение в определении статуса погребенного, особенно в памятниках кочевнических культур. Чем больше насыпь, тем выше был статус человека, погребенного под ней. Факт возведения такого крупного кургана над единственной могилой говорит в пользу неординарности данного комплекса.

Наличие надмогильной ритуальной площадки из глиняного выкида и деревянных плашек в кургане 4 могильника Таксай I (рис. 1) – крайне редкое явление среди позднесарматских древностей. На данный момент это четвертая находка подобных сооружений, которые в двух случаях обнаружены в Заволжье и один раз в северной части Южного Приуралья [25, с. 91]. Так, в кургане D16 могильника Альт-Веймар в Заволжье под насыпью также была оборудована площадка, а в единственной могиле был погребен воин с длинным мечом, украшенным каменными деталями гарнитуры

[40, S. 36]. В описании разрушенного кургана Суслынка в Саратовском Заволжье, высота которого была около 2,5 м, упоминается вымостка из кирпичей в насыпи. В погребении найдены детали конской упряжи и набор предметов вооружения [3, с. 136].

Под ритуальной площадкой в кургане обнаружена подбойная могила. Подбой является наиболее распространенным типом погребальных сооружений в позднесарматское время. Их процент в южной части Южного Приуралья достигает 47 % [25, с. 87, табл. 1, 10]. Подбой существовали во всех сарматских культурах, но с появлением носителей позднесарматской культуры они стали ведущим типом сооружений. С середины II в. н. э. в степях Восточной Европы именно в подбойных могилах чаще всего фиксируются такие признаки позднесарматской культуры, как искусственная деформация черепа, северная ориентировка, определенные типы инвентаря [28, с. 102, 104].

Уникальной для позднесарматского времени является глубина могильной ямы – более 3 м от уровня погребенной почвы. Подбой подобных размеров крайне редки и связаны, как правило, с неординарными воинскими комплексами позднесарматской культуры (Новоалександровка, кург. 20, погр. 2; Веселый VI, кург. 1, погр. 1) [7, с. 220–221, рис. 4, 6–17; 11].

На дне довольно обширной камеры, у западной стенки лежал костяк погребенного в вытянутом положении на спине, головой к северу. Северная ориентировка является ведущей в позднесарматской культуре. В Южном Приуралье этот показатель доходит до 97 % [21, с. 27]. В рассматриваемом комплексе кисти рук погребенного уложены на тазе. В Приуралье такое положение рук встречается в 25 % случаев [21, с. 27].

На черепе погребенного фиксируются следы искусственной деформации. В погребениях европейской степи деформация черепов появляется около середины II в. н. э. с приходом носителей позднесарматской культуры. Это один из ее главных диагностических признаков. В южноуральских и нижневолжских памятниках этот показатель доходит до 70 %, в нижнедонских – до 50 % [2, с. 150; 21, с. 28].

Среди сопровождающего инвентаря обнаружен набор клинкового вооружения, состоящий из меча, кинжала и боевого ножа, а также уздечный набор (рис. 1). Наличие нескольких клинков в одном комплексе указывает на принадлежность погребенного к прослойке профессиональных воинов [18, с. 89]. Анализ подобных погребений показывает, что эта прослойка была крайне немногочисленная. К примеру, в Нижнем Поволжье таких погребений насчитывается всего 13, в Южном Приуралье еще меньше [18]. Как и погребение в кургане 4 могильника Таксай I, такие комплексы отличает наличие меча и кинжала. В рассматриваемом погребении эти клинки положены с разных сторон от погребенного: меч слева, кинжал справа (рис. 1). В позднесарматское время в большинстве известных случаев наборы клинков укладывались с одной стороны от погребенного. При этом закономерностей в их расположении справа или слева не отмечено [18, с. 88]. Для среднесарматского времени в комплексах с наборами клинков характерно раздельное помещение меча и кинжала [9, с. 112]. Вероятно, расположение клинков в подобных могилах диктовалось особенностями погребальной традиции в каждом отдельном случае.

Сохранность меча в рассматриваемом погребении плохая (рис. 2, 10). Определить его типологические особенности невозможно. Во всех известных случаях в комплексах с наборами клинков мечи относятся к одному типу без металлических наконечников и перекрестий [18, с. 88]. Вероятно, рассматриваемый меч в погребении также принадлежал к этому типу. Деревянные ножны меча были окрашены в красный цвет, что часто встречается в сарматское время [14, с. 67].

Находку каменной пластины с отверстием (рис. 2, 6) и бронзовой пряжки (рис. 2, 4) в средней части ножен меча можно интерпретировать как некое украшение-фиксатор портупейного ремня, крепящееся на кожаном шнурке к поясу воина [4, с. 177–178; 26]. Круг подобных по функциональному назначению деталей гарнитуры достаточно разнообразен. В позднесарматских воинских погребениях находки подобных предметов известны на Нижнем Дону (Веселый VI, кург. 1, погр. 1; Новоалександровка I, кург. 20, погр. 2; Гремячая, кург. 2, погр. 1) [7; 11; 12], в Заволжье (Кочет-

ное, кург. 13, погр. 1) [36], в междуречье Волги и Дона (Ковалевка, кург. 7, погр. 1) [17], в Южном Приуралье (Покровка X, кург. 43, погр. 1) [22]. Маленькие пряжки разнообразных форм, на язычках которых крепились ремешки, встречаются в сочетании с дисками из раковин, каменными плиточками, хрустальными полусферами, деревянными шариками с отверстиями [4, с. 177–178; 17, с. 44, рис. 1, 14, 15; 22, с. 59]. Длинные мечи в сопровождении подобных деталей гарнитуры, по мнению С.И. Безуглова, являются неотъемлемым атрибутом могилы знатного воина [4, с. 179].

У кинжала, обнаруженного справа от погребенного, не зафиксировано металлическое навершие, однако присутствует тонкое ромбовидное железное перекрестье (рис. 2, 9). Перекрестья на кинжалах позднесарматского времени распространены достаточно широко [15; 26, с. 196]. Они могут быть изготовлены как из железа, так и из бронзы. Существует два типа крепления перекрестья к штырю рукояти. Первый – это наковывание перекрестья из согнутого пополам прута на пятую клинка. Второй тип – отдельно изготовленное перекрестье надевалось на штырь-рукоять через отверстие в центральной части. Как правило, такие перекрестья имеют ромбовидную форму [15]. На кинжале из рассматриваемого кургана 4 могильника Таксай I также было железное ромбовидное перекрестье, надетое на рукоять (рис. 2, 9). До сих пор в Приуралье был известен лишь один кинжал с ромбовидным перекрестьем, выполненным из бронзы, в кургане 57 могильника Целинный [8, с. 114, рис. 35, II, 3].

Ромбовидные перекрестья встречаются на сарматском оружии еще до позднесарматского этапа. По мнению А.С. Скрипкина, мечи с бронзовыми ромбическими перекрестьями разных типов восходят к единой традиции их изготовления, прототипами для которых явились образцы китайского клинкового вооружения. В сарматских комплексах они встречаются и в раннесарматских погребениях со II в. до н. э. и в среднесарматских [34, с. 17–20]. Однако в этом случае речь идет о типологически иных перекрестьях, которые обнаружены исключительно на мечах и отличаются большей массивностью по сравнению с тонкими перекрестьями на позднесарматских кинжалах.

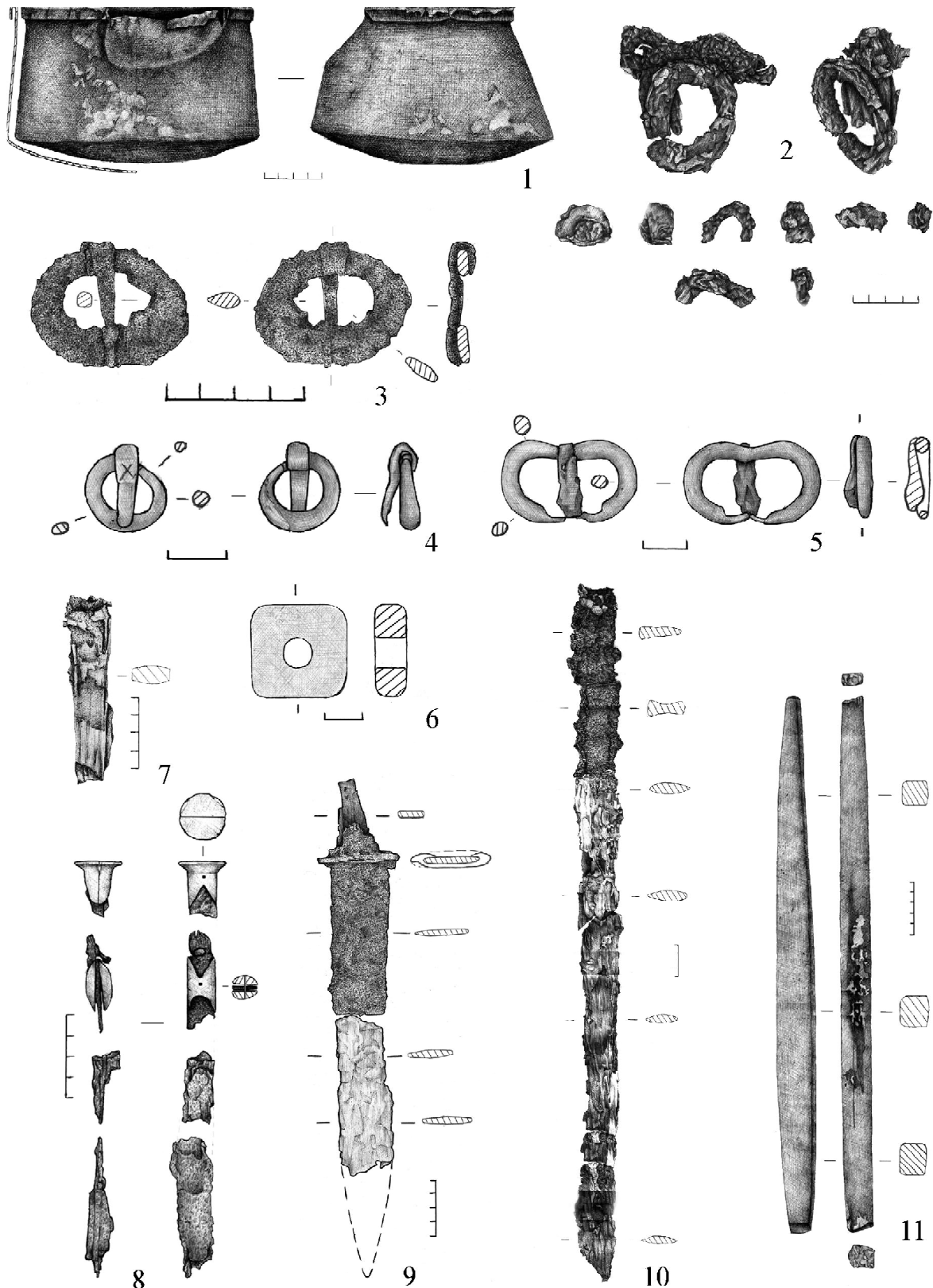

Рис. 2. Находки из погребения 1 кургана 4 могильника Таксай I:

1 – бронзовый котелок; 2 – детали конской сбруи; 3 – железная пряжка; 4 – бронзовая пряжка; 5 – бронзовая пряжка; 6 – каменная пластинка; 7 – фрагмент железного ножа; 8 – железный нож с бронзовыми деталями рукояти; 9 – железный кинжал; 10 – железный меч; 11 – каменный оселок

Кинжал с тонким ромбовидным перекрестьем известен в среднесарматское время в единичном случае на Верхнем Дону [10, с. 82, рис. 4, 7]. Однако наибольшую популярность кинжалы с такими перекрестьями получают в позднесарматское время, охватывая период второй половины II – III в. н. э., в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону [15, с. 174]. Истоков традиций использования тонких ромбовидных перекрестий на иных территориях в более раннее время пока обнаружить не удалось.

Нередко кинжалы с перекрестьями входят в состав наборов клинкового вооружения позднесарматского времени. Можно отметить погребения в кургане 3 могильника Кочетное в Заволжье, в кургане 5 могильника Вербовский I, в кургане 7 в Ковалевке в южной части Волго-донского междуречья [17; 23, с. 121–124; 24, с. 169; 36], в погребении 2 кургана 1 курганной группы Гремячая на Нижнем Дону [12].

Среди прочего инвентаря в рассматриваемом погребении обнаружен нож с бронзовыми деталями рукояти (рис. 2, 8). Подобные ножи появляются у кочевого населения только в позднесарматский период [26, с. 199]. Существует 2 типа ножей с биметаллическими рукоятями. Один тип представляет собой железное пластинчатое основание и двустороннюю рамчатую рукоять, которая имела грибовидное навершие и выемки в нижней части [14, с. 66, рис. 1, 14]. Второй тип – также с пластинчатым основанием и двухсоставными бронзовыми грибовидным навершием и перекрестьем, которые крепились к основе при помощи клепок. Пространство между навершием и перекрестьем заполнялось деревянными вставками [14, с. 66, рис. 1, 15]. Именно к такому типу относится нож из рассматриваемого комплекса.

Ножи с биметаллическими рукоятями появляются только в позднесарматское время и датируются в рамках второй половины II – III в. нашей эры. Ареал их распространения очень широк и охватывает территорию от Средней Азии и Зауралья на Востоке до Крыма на Западе [13, рис. 16, 4; 19, с. 23, табл. 4, 1; 22, с. 64–65; 39, с. 117, рис. 34]. Одни исследователи считают, что такие ножи являлись боевыми [23, с. 123], другие, что ритуальными [26, с. 199]. Нередко они входили в состав на-

бора клинкового вооружения, состоящего из меча, кинжала, часто с ромбовидным перекрестьем, и ножа с биметаллической рукоятью. Известные находки таких ножей в конструктивно единых ножнах с кинжалами, где нож крепился под острым углом к кинжалу, не оставляют сомнений в их принадлежности к боевому набору клинков [16, с. 246–247]. В исследуемом комплексе нож обнаружен в районе пояса погребенного слева. Можно предположить, что погребенный предпочитал носить такой нож на поясе, что позволяет считать его использование в качестве вспомогательного оружия. Однако исключать ритуальное назначение подобных ножей в боевой практике также не стоит. Некоторые из известных экземпляров имеют слишком короткие клинки, а тонкое лезвие их не вполне подходило для сопротивления кинжалу или мечу.

В погребении вместе с мечом обнаружен квадратный в сечении оселок длиной 50 см (рис. 2, 11). Находки массивных оселков являются атрибутом позднесарматского времени. Примечательно, что они встречены и в мужских, и в женских захоронениях. Мужские погребения во всех случаях являются яркими воинскими комплексами, практически всегда сопровождающимися богатым конским снаряжением и нередко наборами клинкового вооружения (Целинный I, кург. 6, погр. 1; Камышевский I, кург. 8, погр. 1; Центральный VI, кург. 16, погр. 8; Конезавод I, кург. 9; Новоалександровка I, кург. 20, погр. 2). Часть из них, безусловно, являются погребениями представителей высшего ранга (Лебедевка, кург. 1, погр. 1; Суслынка). Известны находки массивных оселков в женских погребениях (Лебедевка, кург. 2, погр. 1; Старица, кург. 11, погр. 1; Высочино V, кург. 18, погр. 1). Все женские погребения с оселками отличает богатый инвентарный набор, который обязательно включал импортные металлические сосуды. Если находки массивных оселков вполне объяснимы в мужских воинских погребениях, то интерпретировать их среди инвентаря женских захоронений проблематично.

В рассматриваемом комплексе кургана 4 могильника Таксай I был обнаружен бронзовый кованый котелок (рис. 2, 1), который можно отнести к типу «Дебельт»¹, выделенному Б.А. Раевым. Автор определяет время

существования таких котелков в рамках второй половины II – III в. нашей эры [39, р. 23–25, рл. 19, 10–13]. Данная находка в воинском комплексе не уникальна. Бронзовые котелки встречаются в позднесарматских погребениях с клинковым вооружением. Они отличаются небольшими размерами и нередко снабжены длинными железными рукоятями (Целинный I, кург. 6, погр. 1; Солянка I, кург. 3, погр. 2; Старица, кург. 26, погр. 2). В таксайском погребении такая деталь отсутствует. Находки котелков известны и в женских комплексах (Валовый I, кург. 4, погр. 2; Бережновка II, кург. 67, погр. 1).

Во многих престижных сарматских погребениях встречены котлы. В данном обряде, возможно, реализовывалась идея помещения одного или нескольких котлов в погребение человека, имевшего важное объединяющее значение для некоего коллектива, связанного родственными или профессиональными отношениями. В литературе утвердилось мнение о том, что в скифо-сарматском мире котлы являлись «символами единства» и «символами власти» [27, с. 22, 23; 35, с. 80].

Находки маленьких кованых котелков в мужских воинских захоронениях можно объяснить, с одной стороны, спецификой экипировки профессиональных воинов, как предмет, удобный в военном походе. С другой, что такой котелок мог помещаться в могилу командира некоего подразделения воинов. Именно этот человек и являлся объединяющим фактором в данном воинском коллективе. Если предположить, что рассматриваемый курган мог быть сооружен силами воинского коллектива, который возглавлял погребенный, то размеры этого подразделения будут довольно впечатляющими.

Подтверждением принадлежности погребенного в кургане 4 могильника Таксай I к особому сословию воинов-всадников является находка деталей узды (рис. 2, 2). К сожалению, плохая сохранность не позволяет охарактеризовать их особенности. Находки самой же конской упряжи встречаются достаточно редко, в 6 % позднесарматских погребений. В 73 % случаев в комплексах с уздой обнаружено оружие. Такая ситуация позволяет предположить, что не во все могилы воинов помещали оружие и детали конской сбруи.

В общей выборке погребений позднесарматского времени количество комплексов с вооружением достигает 23,8 % [25, с. 97]. Не исключено, что наличие таких категорий инвентаря, как оружие, определенный его набор, конская узда и их сочетание могут указывать на различные ступени в военной иерархии позднесарматского общества. Наиболее яркие воинские комплексы позднесарматской культуры, помимо оружия, сопровождаются деталями сбруи [4].

Среди деталей конского снаряжения в рассматриваемом комплексе обнаружена очень интересная бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 2, 5). Рамка ее В-образной формы с утолщением в передней части. Задняя часть немного спрямлена. На задней части рамки отчетливо видны следы крепления подвижного щитка, который не сохранился. Находки подобных пряжек в позднесарматском комплексе крайне редки. Ближайшие аналогии данной пряжки в сарматских комплексах были обнаружены в Суловском могильнике, где пряжки имеют овальные щитки и обильно украшены насечками и фасетировкой [29, с. 75, рис. 25; 33, с. 108, рис. 12, 25, 13, 12]. В отличие от суловских пряжек находка из Таксай не имеет фасетировки, железный язычок не информативен и утрачен щиток, который мог бы уточнить ее типологическую позицию. Данные обстоятельства снижают возможность данной пряжки как узкого хроноиндикатора.

А.С. Скрипкин датировал суловские пряжки финалом позднесарматской культуры не позднее третьей четверти IV в. н. э., указав на их близость материалам IV в. н. э. в Подунавье [31, с. 326].

В-образные пряжки с округлым сечением рамки известны на провинциально-римских памятниках Подунавья с IV в. нашей эры. Они являются одним из показателей фазы D центральноевропейских культур по К. Годловскому (после 320/330 г. – середины V в.) [38]. Известны они и позднее, в раннем средневековье².

Территориально наиболее близкие аналогии В-образной пряжке обнаружены в лесостепных древностях Прикамья, где подобные детали гарнитуры фиксируются в памятниках конца IV – начала V в. н. э., которые, вероятно, попадали сюда из более западных райо-

нов, в частности, с территории Венгрии [37, fig. 104, 109, 111].

Как мы видим, принято считать, что пряжки с В-образной рамкой в позднесарматские комплексы могли попасть не ранее IV в. н. э., что позволяет поднять верхнюю границу исследуемого комплекса. Однако такая хронологическая позиция пряжки из Таксай расходится с общим контекстом рассматриваемого погребения воина-всадника, который более характерен для второй половины II – III в. нашей эры. Стоит также упомянуть, что согласно результатам исследования В.Ю. Малашева, проанализировавшего приуральские памятники позднесарматской культуры, к началу IV в. н. э. происходит отток позднесарматского населения с территории Южного Приуралья [21, с. 131]. Возникает вопрос, каким образом в конце IV в. н. э., если опираться на датировку комплекса по В-образной пряжке, данное погребение, более характерное для предыдущего этапа позднесарматской культуры, который заканчивается около середины III в. н. э., оказалось в IV в. н. э. в приуральских степях, которые были покинуты кочевым населением. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что верхняя хронологическая граница погребения из кургана 4 могильника Таксай I ограничивается второй половиной III в. нашей эры. Найденная в нем В-образная пряжка является наиболее ранним образцом пряжек с В-образными рамками. Отсутствие фасетировки и штриховки на рамке может свидетельствовать в пользу ее более ранней позиции по сравнению с образцами IV в. нашей эры.

С предлагаемой датой (вторая половина III в. н. э.) корреспондируется оценка хронологии и второй пряжки из данного комплекса (рис. 2, 4), которая соответствует пряжкам П7 по В.Ю. Малашеву с датировкой второй половиной III в. нашей эры [20, с. 196, рис. 2, 6А, 6Г 2, 2].

Наибольшее распространение могил воинов-всадников, которые в позднесарматское время составляли высшую прослойку общества, относится ко второй половине II – первой половине III в. нашей эры [4, с. 180; 5, с. 112–113]. В Южном Приуралье, где политические процессы, произошедшие в середи-

не III в. на Нижнем Дону, отразились лишь косвенно [21, с. 144–145; 22, с. 72], существование традиционной иерархии позднесарматского общества могло продолжаться до конца III в. нашей эры.

Элитные мужские захоронения, относившиеся к погребениям высших слоев позднесарматского общества, сопровождалась и наборами вооружения. В погребении кургана 4 могильника Таксай I обнаружен набор клинкового вооружения, состоящий из меча, кинжала с тонким железным ромбовидным перекрестьем, надетым на штырь рукояти и ножа с биметаллической рукоятью. Наличие этого набора указывает на принадлежность погребенного к прослойке профессиональных воинов, комплексы которых обнаружены на всей территории распространения позднесарматской культуры [18]. По мнению ряда исследователей, погребения с наборами клинкового вооружения составляли особую часть войска на разных этапах сарматской истории [6, с. 53; 9, с. 116; 32, с. 374].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Благодарим С.В. Демиденко за консультацию и помощь в уточнении типа котелка.

² Благодарим И.О. Гавритухина, В.Ю. Малашева и А.А. Васильева за консультации по данному вопросу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СА – Советская археология.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багриков, Г. И. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) / Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова // Изв. АН КазССР. Серия общественная. – 1968. – № 2. – С. 71–89.

2. Балабанова, М. А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего же-

леза и раннего средневековья : дис. ... д-ра ист. наук : 03.03.02 / Балабанова Мария Афанасьевна. – М., 2013. – Т. 1. – 427 с.

3. Баринов, Д. Г. Находки позднесарматского времени из фондов Энгельского краеведческого музея / Д. Г. Баринов, О. В. Сергеева // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 2001 году. – Вып. 5 / отв. ред. А. И. Юдин. – Саратов : Науч. кн., 2003. – С. 136–149.

4. Безуглов, С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) / С. И. Безуглов // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов н/Д : Терра, 2000. – С. 169–193.

5. Безуглов, С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье / С. И. Безуглов // СА. – 1988. – № 4. – С. 103–115.

6. Безуглов, С. И. Раннесарматское погребение с двумя мечами из могильника Сухо-Дюдеревский II / С. И. Безуглов, В. П. Глебов // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Междунар. науч. конф. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апр. 2014 г.). – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2014. – С. 49–56.

7. Беспалый, Е. И. Погребения позднесарматского времени у города Азова / Е. И. Беспалый // СА. – 1990. – № 1. – С. 213–223.

8. Богалов, С. Г. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей / С. Г. Богалов, С. Ю. Гуцалов. – Челябинск : Рифей, 2000. – 269 с.

9. Вагнер, Е. В. Среднесарматские погребения Нижнего Поволжья с набором клинкового вооружения. Хронология и возможности исторической реконструкции / Е. В. Вагнер // Нижневолжский археологический вестник. – 2014. – Вып. 14. – С. 111–117.

10. Ворошилов, А. Н. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время / А. Н. Ворошилов, А. П. Медведев // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 76–87.

11. Гуренко, Л. В. Отчет об охранных археологических раскопках курганной группы «Рыбинка» в Ольховском районе, одиночного кургана «Веселый» и курганного могильника «Веселый VI» в Котельниковском районе Волгоградской области в 2003 г. / Л. В. Гуренко // Архив Волгоградского областного краеведческого музея. – Ф. 245. – 169 л.

12. Гуренко, Л. В. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок курганной группы «Гремячая» и одиночного кургана «Гремячий I» в Котельниковском муниципальном районе Волгоградской области в 2008 г. / Л. В. Гуренко // Архив Волгоградского областного краеведческого музея. – Ф. 301. – 67 л.

13. Гущина, И. И. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму / И. И. Гущина // КСИА. – 1970. – № 124. – С. 39–47.

14. Кривошеев, М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья / М. В. Кривошеев // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 65–70.

15. Кривошеев, М. В. Кинжалы с перекрестиями из позднесарматских погребений / М. В. Кривошеев // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия : материалы III Междунар. Нижневолж. археол. конф. (г. Астрахань, 18–21 окт. 2010 г.). – Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, Издат. дом «Астраханский университет», 2010. – С. 170–174.

16. Кривошеев, М. В. Наборы клинкового вооружения из позднесарматских погребений / М. В. Кривошеев // Археология восточно-европейской степи. – Вып. 10. Материалы IV Нижневолжской Международной археологической конференции (18–21 окт. 2013 г.) : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2013. – С. 245–250.

17. Кривошеев, М. В. Погребение воина позднесарматского времени в Волго-донском междуречье / М. В. Кривошеев, А. Н. Дьяченко // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. – С. 42–49.

18. Кривошеев, М. В. Позднесарматские комплексы с наборами клинков с территории Нижнего Поволжья / М. В. Кривошеев // Нижневолжский археологический вестник. – 2014. – Вып. 14. – С. 87–91.

19. Литвинский, Б. А. Орудия труда и утварь из могильников западной Ферганы / Б. А. Литвинский. – М. : Наука, 1978. – 216 с.

20. Малашев, В. Ю. Периодизации ременных гарнитур позднесарматского времени / В. Ю. Малашев // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов н/Д : Терра, 2000. – С. 194–232.

21. Малашев, В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Малашев Владимир Юрьевич. – М., 2013. – 301 с.

22. Малашев, В. Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время / В. Ю. Малашев, Л. Т. Яблонский. – М. : Вост. лит., 2008. – 365 с.

23. Мамонтов, В. И. Об одном типе престижных погребений позднесарматских воинов / В. И. Мамонтов // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : тез. докл. II Междунар. Нижневолж. археол. конф. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 121–124.

24. Мамонтов, В. И. Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у поселка Вер-

бовский / В. И. Мамонтов // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000. – С. 169.

25. Мошкова, М. Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н. э. / М. Г. Мошкова // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. – М.: Вост. лит., 2009. – 176 с.

26. Мошкова, М. Г. Позднесарматская культура / М. Г. Мошкова // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 191–202.

27. Плетнева, С. А. Кочевники Средневековья. Поиск исторических закономерностей / С. А. Плетнева. – М.: Наука, 1982. – 192 с.

28. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология / М. А. Балабанова, В. М. Клепиков, Е. А. Коробкова, М. В. Кривошеев, Е. В. Перерва, А. С. Скрипкин. – Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. – 272 с.

29. Рыков, П. С. Суловский курганный могильник / П. С. Рыков // Ученые записки Саратовского государственного имени Н.Г. Чернышевского университета. – Саратов: Издание Правления Саратовского государственного университета, 1925. – Т. IV. – С. 28–91.

30. Сальников, К. В. Сарматские погребения в районе Магнитогорска / К. В. Сальников // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXIV. – С. 115–121.

31. Скрипкин, А. С. Две бронзовые пряжки из Суловского могильника / А. С. Скрипкин // СА. – 1976. – № 3. – С. 325–327.

32. Скрипкин, А. С. Клинковое оружие в разработке хронологии и некоторых вопросов этнополитической истории раннесарматской культуры Волго-Уральского региона / А. С. Скрипкин // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международ. науч. конф. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апр. 2014 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 367–379.

33. Скрипкин, А. С. Материалы Суловского курганного могильника / А. С. Скрипкин // Нижне-волжский археологический вестник. – 1998. – Вып. 1. – С. 104–124.

34. Скрипкин, А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов / А. С. Скрипкин // Нижневолжский археологический вестник. – 2000. – Вып. 3. – С. 17–40.

35. Скрипкин, А. С. О политической организации сарматов на рубеже эр / А. С. Скрипкин // *Stratum plus*. Время перемен: «На рубеже эр». – 2015. – № 4. – С. 73–84.

36. Юдин, А. И. Отчет о раскопках курганной группы к востоку от с. Кочетного Ровенского района Саратовской области в 1990 г. / А. И. Юдин // Архив ИА РАН. – Ф. 1. – Р-1. – № 14869. – 51 л., ил.

37. Berger, A. Sz. The Late Roman Cemetery at Ságvár / A. Sz. Berger // *Acta Archaeologica Hungarica*, XVIII. – Budapest, 1966. – P. 99–234.

38. Godłowski, K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe / K. Godłowski. – Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1970. – 126 S.

39. Raev, B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin / B. A. Raev // *BAR International Series* 278. – Oxford, 1986. – 219 p.

40. Rau, P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926 / P. Rau. – Pokrowsk: Deutscher Staatsverlag “Nemgosisdat” ASRR d. – Wolgadeutschen, 1927. – 79 S.

REFERENCES

1. Bagrikov G.I., Senigova T.N. Otkrytie grobnits v Zapadnom Kazakhstane (II–IV i XIV vv.) [The Discovery of the Tombs in Western Kazakhstan (2nd–4th and 14th Centuries)]. *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoy SSR. Seriya “Obshchestvennye nauki”*, 1968, no. 2, pp. 71–89.

2. Balabanova M.A. *Pozdnesarmatskoe naselenie Nizhnego Povolzhya i sopredelnykh territoriy v antropologicheskom kontekste rannego zheleza i rannego srednevekovya: dis. ... d-ra ist. nauk* [Late Sarmatian Population of the Lower Volga Region and Adjacent Territories in the Anthropological Context of Early Iron and Early Middle Ages. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2013, vol. 1. 427 p.

3. Barinov D.G., Sergeeva O.V. Nakhodki pozdnesarmatskogo vremeni iz fondov Engelsskogo kraevedcheskogo muzeya [Findings of the Late Sarmatian Time From the Funds of the Engelssky Museum]. Yudin A.I., ed. *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Okhrana i issledovaniya v 2001 godu. Vyp. 5* [The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 2001. Iss. 5]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2003, pp. 136–149.

4. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podonzhya) [The Late Sarmatian Swords (Exemplified by the Don Region)]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbours in the Don Region. Materials and Research on Don Archaeology]. Rostov-on-Don, Terra Publ., 2000, pp. 169–193.

5. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskoe pogrebenie znatnogo voina v stepnom Podonye [Late Sarmatian Burial of a Noble Warrior in the Don Region]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1988, no. 4, pp. 103–115.

6. Bezuglov S.I., Glebov V.P. Rannesarmatskoe pogrebenie s dvumya mechami iz mogilnika Sukhoduderevskiy II [Early Sarmatian Burial With Two Swords From the Burial Mound Sukho-Dyuderevskiy II].

Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati A.I. Melyukovoy (s. Kagalnik, 26-29 aprelya 2014 g.) [War and Military Art in the Scythian-Sarmatian World. Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of A.I. Melyukova (Kagalnik, April, 26-29, 2014)]. Rostov-on-don, YuNTs RAN Publ., 2014, pp. 49-56.

7. Bespalyy E.I. Pogrebeniya pozdnesarmatskogo vremeni u goroda Azova [Late Sarmatian Burials Near the City of Azov]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1990, no. 1, pp. 213-223.

8. Botalov S.G., Gutsalov S. Yu. *Gunno-sarmaty Uralo-kazakhstanskikh stepey* [Hunno-Sarmatian Tribes of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk, Rifej Publ., 2000. 269 p.

9. Vagner E.V. Srednesarmatskie pogrebeniya Nizhnego Povolzhya s naborom klinkovogo vooruzheniya. Khronologiya i vozmozhnosti istoricheskoy rekonstruktsii [Middle Sarmatian Burials of the Lower Volga Region With a Set of Bladed Weapons. The Chronology and the Possibility of Historical Reconstruction]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik*, 2014, iss. 14, pp. 111-117.

10. Voroshilov A.N., Medvedev A.P. Vooruzhenie naseleniya lesostepnogo Podonya v skifo-sarmatskoe vremya [The Armament of the Population of Forest-Steppe Don region in the Scythian and Sarmatian Times]. *Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i khronologiya: doklady k VI Mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [The Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology: Reports to the 6th International Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"]. Chelyabinsk, Izd-vo YurGU, 2007, pp. 76-87.

11. Gurenko L.V. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh kurgannoy gruppy "Rybinka" v Olkhovskom rayone, odinochnogo kurgana "Veselyy" i kurgannogo mogilnika "Veselyy VI" v Kotelnikovskom rayone Volgogradskoy oblasti v 2003 g. [The Report About Archaeological Excavations of Burial Mound Group "Rybinka" in Olkhovsky District, a Single Mound "Veselyy" and the Burial Mound "Veselyy 6" in the Kotelnikovsky District of the Volgograd Region in 2003]. *Arkhiv Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Archive of Volgograd Regional Local History Museum], F. 245. 169 p.

12. Gurenko L.V. Otchet o provedenii spasatelnykh arkheologicheskikh raskopok kurgannoy gruppy «Gremyachaya» i odinochnogo kurgana «Gremyachiy I» v Kotelnikovskom munitsipalnom rayone Volgogradskoy oblasti v 2008 g. [Report on the Conduct of Rescue Archaeological Excavations of Burial Mound Group "Gremyachiy" and Single Mound

"Gremyachiy-I" in the Municipal Kotelnikovsky District of the Volgograd Region in 2008]. *Arkhiv Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [The Archive of Volgograd Regional Local History Museum], F. 301. 67 p.

13. Gushchina I.I. Raskopki mogilnika Belbek III v Krymu [Excavations of a Burial Ground Belbek III in Crimea]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Reports of Institute of Archaeology], 1970, no. 124, pp. 39-47.

14. Krivosheev M.V. Vooruzhenie pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzhya [Weapons of the Late Sarmatian Time in the Lower Volga Region]. *Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i khronologiya: doklady k VI Mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [The Armament of the Sarmatians: Regional Typology and Chronology: Reports to the 6th International Conference "Problems of Sarmatian Archaeology and History"]. Chelyabinsk, Izd-vo YurGU, 2007, pp. 65-70.

15. Krivosheev M.V. Kinzhaly s perekrestiyami iz pozdnesarmatskikh pogrebeniy [Daggers With Crosses From the Late Sarmatian Burials]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzhya: problemy, poiski, otkrytiya: materialy III Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii (g. Astrakhan, 18-21 oktyabrya 2010 g.)* [Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Searches, Discoveries: Proceedings of the 3rd International Lower Volga Archaeological Conference (Astrakhan, October 18-21, 2010)]. Astrakhan, Astrakhanskiy universitet Publ., 2010, pp. 170-174.

16. Krivosheev M.V. Nabory klinkovogo vooruzheniya iz pozdnesarmatskikh pogrebeniy [Sets of Bladed Weapons From the Late Sarmatian Burials]. *Arkheologiya vostochno-evropeyskoy stepi. Vyp. 10. Materialy IV Nizhnevolzhskoy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (18-21 oktyabrya 2013 g.): mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeology of Eastern-European steppe. Iss. 10. Proceedings of the 4th International Lower Volga Archaeological Conference (18-21 October 2013): Interuniversity Collection of Scientific Works]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo gos. un-ta, 2013, pp. 245-250.

17. Krivosheev M.V., Dyachenko A.N. Pogrebenie voina pozdnesarmatskogo vremeni v Volgo-donskom mezhdurechye [The Burial of a Warrior of the Late Sarmatian Time in the Volga-Don Interfluvium]. *Voennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervoy mirovoy voyny, g. Volgograd, 26-27 sentyabrya 2014 g.* [Military History of Russia: Problems, Searches, Decisions. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Devoted to the 100th Anniversary of the First World War,

Volgograd, September 26-27, 2014]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2014, pp. 42-49.

18. Krivosheev M.V. Pozdnesarmatskie komplekсы s naborami klinkov s territorii Nizhnego Povolzhya [Late Sarmatian Complexes With Sets of Blades From the Territory of the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 2014, iss. 14, pp. 87-91.

19. Litvinskiy B.A. *Orudiya truda i utvar iz mogilnikov zapadnoy Fergany* [Tools and Utensils From the Burial Grounds of the Western Fergana]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 216 p.

20. Malashev V.Yu. Periodizatsii remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodizations of Belt Fittings of Late Sarmatian Time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and Their Neighbours From the Don]. Rostov-on-don, Terra Publ., 2000, pp. 194-232.

21. Malashev V.Yu. *Pozdnesarmatskaya kultura Yuzhnogo Priuralya vo II–III vv. n. e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Late Sarmatian Culture of the Southern Urals in the 2nd-3rd Centuries A.D. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2013. 301 p.

22. Malashev V.Yu., Yablonskiy L.T. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuralya v pozdnesarmatskoe vremya* [Steppe Population of Southern Urals in Late Sarmatian Time]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2008. 365 p.

23. Mamontov V.I. Ob odnom tipe prestizhnykh pogrebeniy pozdnesarmatskikh voynov [About One Type of Prestigious Burials of Late Sarmatian Warriors]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzhya: tezisy doklady II Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii* [Problems of Archaeology of the Lower Volga Region. Theses of Reports of the 2nd International Lower Volga Archaeological Conference]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2007, pp. 121-124.

24. Mamontov V.I. Unikalnye nakhodki v sarmatskikh pogrebeniyakh iz kurganov u poselka Verbovskiy [Unique Findings in Sarmatian Burials From the Burial Mounds Near the Verbovsky Village]. *Vzaimodeystvie i razvitie drevnykh kultur yuzhnogo pograniichya Evropy i Azii* [Interaction and the Development of Ancient Cultures of the Southern Border of Europe and Asia]. Saratov, 2000, p. 169.

25. Moshkova M.G. Analiz sarmatskikh pogrebalnykh pamyatnikov II–IV vv. n. e. [Analysis of Sarmatian Burial Monuments of the 2nd-4th Centuries A.D.]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. IV. Pozdnesarmatskaya kultura* [Statistical Analysis of the Funeral Monuments of the Asian Sarmatia. Iss. IV. Late Sarmatian Culture]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. 176 p.

26. Moshkova M.G. Pozdnesarmatskaya kultura [Late Sarmatian Culture]. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe of the European Part of the USSR in Scytho-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 191-202.

27. Pletneva S.A. *Kochevniki Srednevekovya. Poisk istoricheskikh zakonornostey* [The Nomads of the Middle Ages. The Search for Historical Patterns]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 192 p.

28. Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzhya: pogrebalnaya obryadnost i antropologiya* [The Age and Sex Structure of the Sarmatian Population of the Lower Volga Region: the Funeral Rites and Anthropology]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 272 p.

29. Rykov P.S. ISuslovskiy kurgannyi mogilnik [Suslovsky Burial Mound]. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo imeni N.G. Chernyshevskogo universiteta*, 1925, vol. IV, pp. 28-91.

30. Salnikov K.V. Sarmatskie pogrebeniya v rayone Magnitogorska [Sarmatian Burials Near Magnitogorsk]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii i materialnoy kultury*, 1950, iss. 34, pp. 115-121.

31. Skripkin A.S. Dve bronzovye pryazhki iz Suslovskogo mogilnika [Two Bronze Buckles From the Suslovsky Burial Mound]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1976, no. 3, pp. 325-327.

32. Skripkin A.S. Klinkovoe oruzhie v razrabotke khronologii i nekotorykh voprosov etnopoliticheskoy istorii rannesarmatskoy kultury Volgo-Uralskogo regiona [Bladed Weapons in the Development of a Chronology and Some Questions of Ethno-Political History of the Early Sarmatian Culture of the Volga-Ural Region]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati A.I. Melyukovoy (s. Kagalnik, 26–29 aprelya 2014 g.)* [War and Military Art in the Scythian-Sarmatian World: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of A.I. Melyukova (Kagalnik Village, April 26-29, 2014)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2014, pp. 367-379.

33. Skripkin A.S. Materialy Suslovskogo kurgannogo mogilnika [Materials of Suslovsky Burial Mound]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 1998, iss. 1, pp. 104-124.

34. Skripkin A.S. Novye aspekty v izuchenii istorii materialnoy kultury sarmatov [New Aspects in the Study of the History of Material Culture of the Sarmatians]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 2000, iss. 3, pp. 17-40.

35. Skripkin A.S. O politicheskoy organizatsii sarmatov na rubezhe er [On the Political Organization of the Sarmatians at the Turn of the Eras]. *Stratum plus. Vremya peremen: "Na rubezhe er"*, 2015, no. 4, pp. 73-84.

36. Yudin A.I. Otchet o raskopkakh kurgannyo gruppy k vostoku ot s. Kochetnogo Rovenskogo rayona Saratovskoy oblasti v 1990 g. [Report of the Excavations of Mound Groups to the East of Kochetnoe Village of Rovensky District of the Saratov Region in 1990]. *Arkhiv IA RAN*, F. 1, R-1, no. 14869. 51 p.

37. Berger A.Sz. The Late Roman Cemetery at Ságvár. *Acta Archaeologica Hungarica*, XVIII. Budapest, 1966, pp. 99-234.

38. Godłowski K. *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe*. Kraków, Uniwersytet Jagielloński, 1970. 126 p.

39. Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. *BAR International Series* 278. Oxford, 1986. 219 p.

40. Rau P. *Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926* [Prehistoric Excavations on the Steppenseite of the Germans of the Volga Region in 1926]. Pokrowsk, Deutscher Staatsverlag "Nemgosisdat" ASRRd. Wolgadeutschen, 1927. 79 p.

LATE SARMATIAN ELITE MILITARY BURIAL FROM THE SOUTHERN URALS

Mikhail Vasilyevich Krivosheev

Candidate of Sciences (History),

Assistant Professor, Department of Archaeology, Foreign History and Tourism,

Volgograd State University

tyaf@mail.ru

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Yana Amangeldievna Lukpanova

Researcher, West-Kazakhstan Center of History and Archaeology

Yana_2004_75@mail.ru

Prosp. Dostyk, 184, 090000 Uralsk, Kazakhstan

Abstract. The article is devoted to the burial of a warrior of Late Sarmatian time from the Southern Urals. The complex from mound no. 4 of the burial mound Taksai I is distinguished by large size of barrow and grave. The reconstructed height of the mound was less than 2 meters. The depth of the burial pit was more than 3 meters. For Late Sarmatian culture such dimensions of sepulchral structures are unique. Under the mound the ritual platform from mainland soil was discovered. The found inventory of a warrior-rider included: horse bridle, a set of bladed weapons consisting of a long sword, dagger and knife, as well as a small bronze cauldron. Analysis of inventory allows us to date this burial to the second half of the 3rd century A.D. This burial belongs to an elite funerary complexes of Late Sarmatian culture and is a burial of professional warriors. This social stratum was formed in Late Sarmatian society at the end of the 2nd - first half of the 3rd century A.D. Most of these graves are dating back to the first half of the 3rd century A.D and were found in the Low Don and in the Volga region. The situation in these regions changed in that period due to the invasion of the tribes of the North-Caucasian origin. Their occurrence is associated with the destruction of the Tanais in the Lower Don region and the spread of graves in the T-shaped catacombs in the steppe monuments. The tradition of burying warriors-horsemen of high social status almost disappears in the Volga-Don steppes after the middle of 3rd century A.D. In the Southern Urals where these processes had an indirect influence, the existence of traditional hierarchies of Late Sarmatian society could continue until the end of the 3rd century A.D. Among the parts of a horse bridle the researchers discovered bronze B-shape buckle. These buckles are widely distributed in the 4th-5th centuries A.D. in the basin of the Kama river and the Danube river. The found buckle is the earliest currently known sample of this type.

Key words: The Southern Urals, Sarmatians, Late Sarmatian culture, professional warriors, nomads, elite burial, military elite.